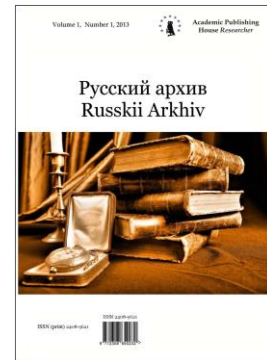

Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkii Arkhiv
 Has been issued since 1863.
 E-ISSN: 2413-726X
 2021. 9(1): 110-124

DOI: 10.13187/ra.2021.1.110
www.ejournal16.com

“Angara Atlantis”: The Memories of the Submerged Settlements Inhabitants

Preparation for publication, introductory article and comments

Larisa M. Salakhova^{a, *}

^a Irkutsk State University, Pedagogical Institute, Irkutsk, Russian Federation

Abstract

In the second half of the XX century, life of the Angara region changed dramatically thanks to the ambitious industrial projects of the Soviet era. In a relatively short time of 40 years, on the Angara River there were built Irkutsk, Bratsk, Ust-Ilimsk hydroelectric power plants, which gave rise to metallurgical, timber, mining giants, and also the construction Boguchanskaya HPP began. The region's three-century way of life has undergone some major changes in the context of urbanization transition. This publication presents the oral memories of the former residents of submerged settlements. The interviewees vividly describe their lost homeland, relying on their stories from everyday life and family history. They describe how and where they were resettled, and also the relationships and fates of forced migrants in the new socio-cultural conditions.

Keywords: Baikal Siberia, Angara region, submerged settlements, migrants, migration, old-timers, oral history, private memory.

Ситуация Сибири XX в. – это ситуация бесконечных изменений. Особенно динамичной для региона стала вторая половина столетия – время, когда обширное сибирское пространство включилось в модернизационные процессы. Это спровоцировало мощные миграционные потоки. Значительная доля устных свидетельств, сохраняемых в Архиве устной истории Байкальской Сибири, созданном в 2005 г., позволяет погрузиться в рассмотрение проблемы формирования региональной идентичности в условиях ценностной гетерогенности сообщества.

В настоящее время работа по систематизации, сохранению и пополнению архива осуществляется преподавателями и студентами кафедры истории и методики Педагогического института Иркутского государственного университета. Одной из ведущих тем является «История поселений, затопленных водами искусственных водохранилищ, созданных на р. Ангаре». В результате строительства трех гидроэлектростанций в Иркутской области вынужденными переселенцами стали 117 900 человек из 509 населенных пунктов, расположенных по берегам рек Ангара, Ия, Ока, Илим и др. Этот процесс возобновился в начале XXI в. В связи с завершением строительства Богучанской ГЭС, четвертой в каскаде ангарских гидроэлектростанций, под затопление попало еще 29 поселений. Это были в большинстве своем старожильческие поселения, а также поселки лесозаготовителей.

* Corresponding author
 E-mail addresses: mars62@rambler.ru (L.M. Salakhova)

Интерес исследователей к истории индустриального освоения Байкальской Сибири сложился в последней четверти XX в. В результате возникло целое направление в сибиреведении, в центре внимания которого оказались социально-экономические аспекты модернизационного процесса (Алексеев, 1973; Цыкунов, 1991). Доминировала положительная оценка преобразований в Сибири и довольно скромно велся разговор о цене преобразований для старожильского населения.

К началу XXI в. появились научные труды, раскрывающие историю районов нового освоения с точки зрения влияния ангарских ГЭС на традиционный уклад хозяйственной жизни населения (Занданова, 2011). Проблемы переселения из зоны затопления раскрываются в публикациях Р.Л. Ермошкиной (Ермошкина, 2001), И.А. Дальжиновой и В.В. Плюсониной (Дальжинова, Плюснина, 2011). Исследование Ю.В. Рябова посвящено организации переселения из районов затопления на р. Ангаре (Рябов, 2015). Однако в указанных исследованиях попытки опереться на устные рассказы жителей исчезнувших поселений процесса весьма скромны. Событием в научном мире стал коллективный проект Центра независимых социальных исследований и образования (ЦНСиО, Иркутск) результаты которого представлены в альманахе «Байкальская Сибирь. Предисловие 21 века» (Байкальская Сибирь, 2007). Тема сохранения исторической памяти поколений представлена в разделе «Потомки первопроходцев: метаморфозы памяти». Интервью, рассказы, неизданные рукописи о затопленной родине позволили авторам представить такой социальный феномен, как мир памяти ангарских старожилов и их потомков. Материалы Архива устной истории Байкальской Сибири легли в основу трудов С.В. Ковригиной, предметным полем которой является повседневное бытование ангарских деревень в послевоенное время (Ковригина, 2009).

В настоящее время в молодых индустриальных городах Байкальской Сибири, находящихся в процессе создания своей истории, возрос интерес к догородскому прошлому пространства. Например, в г. Братске создана общественная организация краеведов «Старый Братск». Ее члены ведут работу по сохранению памяти об утраченных поселениях (Старый Братск). Стремление зафиксировать в письменной или визуальной форме образ затопленной «малой Родины» привело братчан к изданию серии воспоминаний (Жмурова, 2016; Рябцев-Куватский, 2017; Московских, 2018).

В данной публикации представлены устные воспоминания Галины Ивановны Калаушкиной (Лухневой), родившейся в 1942 г. в деревне Громы, затопленной водами Братского водохранилища в 1961 г. Работы по подготовке ложа этого водохранилища к затоплению начались в 1956 г. Специальный отдел при райисполкоме занимался выбором новых площадок для населенных пунктов, создавал оценочные комиссии для определения годности к переносу строений, оценивал строения на момент сноса, вел разъяснительную работу с населением. Деревня Громы была одной из 248 деревень Братского района, жители которой должны были ее покинуть. Дома и надворные постройки, принадлежащие гражданам, переносилась силами владельцев за счет 30 % аванса от денежной компенсации (составляла около 20 тыс. руб.). Остальную часть средств переселенцы могли получить только после самостоятельной зачистки (сожжения) места старой усадьбы.

В 1960 г. Галина Ивановна, рано вышедшая замуж (в 1958 г.) за приезжего работника леспромхоза, и ее родительская семья обосновались в Новой Куватке. Поселок находился в 5 км от старой Куватки. Под новый поселок определили бывшую хлебную пашню, не прислушавшись к старожилам. В результате люди до настоящего времени страдают от близко расположенных грунтовых вод. Переселенцы столкнулись с непреодолимыми для некоторых из них, трудностями: не было подъездных дорог, не хватало пиломатериалов, часто задерживалась выплата денежной компенсации. Аванса не хватало на выполнение необходимых работ. На новом месте надо было построить не только жилой дом, но и хозяйственные помещения, загоны для скота, поставить заборы. Переселенцы не имели времени на обустройство, они сразу выходили на работу и вынуждены были подолгу жить на квартирах, в банях, временках. Перед началом интервью была поставлена цель – рассказать о том, какой была деревня Громы к середине XX в., когда и как начался и проходил процесс переселения из зоны затопления, об обустройстве ангарцев на новом месте жительства. Рассказ Галины Ивановны, как и всех переселенцев, имеет свою особенность. В нем значительное место уделяется описанию родной деревни, правилам и традициям

повседневной жизни, историческим событиям, существенно повлиявшим на жизнь ее семьи и односельчан.

Интервью с Г.И. Калаушкиной проводились во время точечных экспедиций (2007, 2011 гг.) в поселок Куватка (Братский район, Иркутская область), где она проживает с семьей с момента переселения из зоны затопления. Общая продолжительность интервью с Г.И. Калаушкиной составляет 6 ч. 45 мин. В публикации представлена запись 2011 г. Вопросы интервьюера выделены полужирным шрифтом. В проведении интервью участвовала дочь Г.И. Калаушкиной Лариса Владимировна Наянова (В тексте указана как Л.В.). Редакторские исправления и добавления в тексте приведены в квадратных скобках.

Рис. 1, 2. Лухнева Г. 1950-е гг. Лухнева Г. с мамой Клавдией Алексеевной. 1955 г. Фото из семейного архива Г.И. Калаушкиной

Не могу я от этого отойти все никак! Не знаю, что такое! Доживаю 70 лет, и все равно не могу отойти от старицы!¹

Тоска осталась?

Там как же не тоска-то. У нас же Ангара текла! А там вот так (*показывает*) Ангара текла. Так речка Громкая. Не замерзала ни зиму-лето! Бани... Вот так дома стоят. Тут дорога идет. Тут у всех бани. Мылись по три по четыре семьи в раз. Вот не то, что как сейчас – у каждого. По-черному. Натопят каменку. Вот такая здоровая (*показывает*). Потом туда углей наложат: вот таких камней! (*показывает*) Бочки стоят с водой. [Воду] натаскаем. Речка же рядом! И вот эти такие камни. Вилы такие – маленький черешок... и в эту бочку! Вода кипит на всю баню! Баня истопится... Идем! Там кто такой помрет все: эти полки, полы... Черно же все! По три по четыре семьи ходят, и все моются! И по полу лазим!

¹ Старица – старые времена.

Рис. 3. Жители деревни Громы. 1950-е гг. Фото из семейного архива Г.И. Калаушкиной

А к весне! Половики-то надо стирать. А мыла-то не было! Вот мы их соберем со всех изб. Ребятишек че было-то! Вот у нас: я старшая была, а за мной еще пятеро! Представляете! И вот мы там лазим по этим полкам. Печатка какая мыла¹ у кого там есть! Или че! На эти половики! Все лазим туда! Помоем мы эти половики. А потом... У нас речка тут текла... По ту сторону была сделана [площадка]. Площадку заливаем. Специально такую. Воду натаскаем. Залили площадку! Два столба, [между ними] жердь. И вот эти половики метлой, девчонки как вышаркаешь²! Они льняные! Где-то они у меня еще есть льняные! Им лет 90! Куда сунула? Сейчас постирала, думаю: «Надо Ларисе в музей отдать!» Льняные еще, самопряденые!

Я же ткать начала... Мама больная была, эпилептик была. А тогда трудодни не выработай – и все! И у меня, у семилетней, сил-то не было [для работы в поле]. И раньше не было мешков. Мешки-то вот такие ткали! И мешки-то я тку-тку всю зиму. Трудодни же [зарабатываю за маму] А что?! [иначе]... Сразу все: в тюрьму же садили за это!

Но весной-то у нас праздник! А сборище все у меня было! Это ж был кошмар! Я никуда от них не уйду [от младших детей]. А была до чего компанейская девка-то! Ребятишки все ко мне соберутся... Главню, зиму-то все ткем-ткем. Это же было дело – мешки! Чтобы трудодни потом отдать! Зиму ткем-ткем! А потом все драны [дети] соберутся! Все ребятишки ко мне! И мы вот так вот повешаем их [полотно для мешков] вот так. И, качаться на нем! Чтобы вытянуть! Чтобы побольше стали! Все премараются! Все потом стирать-то, чтобы сдать их!

А вымораживали половики в реке?

Лен вымораживали. Ой, какой лен садили! Километров семь... Его посадят. Бабы, потом сожнут. Уже мы, ребятишки ходили с серпами. Но нам боялись [разрешить жать]... Мы вот такие снопики навяжем. Мужики снопики на Ангару свозят... И вот, примерно метра три от берега отступим... И эти снопики [в воде прижмут]. [Для этого] мужики талины загигают... И вот примерно километров пять, ну три-то с лишним тянется лен по воде! Сейчас-то кажется, что много. И вот лен замочили, и он до самого, до мороза мокнет! Потом его все вытаскиваем. Все! Мы не учились весь сентябрь. В общем, до 7 ноября мы не учились. Это наши все послевоенные [годы]. Все работали! За комбайном! Комбайн прошел... Нас всех детей колоски собирать! Колоски тогда собирали. Комбайн-то еще с этим [прицепом] ходил. Мы с Капкой Мыльниковой кобылы две были! Здоровые! Я же была не по возрасту здоровой! Зато вот сейчас инвалид осталась! И, вот, мы с ней... У нас Меркушин был такой, маленький ростом... А другой был Семен Сергеевич. Они увозили от комбайна [мешки

¹ Печатка мыла – кусок мыла.

² Вышаркать – хорошо вымести или оттереть с применением травяной тряпки, песка или веника из голых веток (голик).

с зерном]. А у Семен Сергеевича была Люба, [его] баба. Вот Нина Мусатова, юмористка... Она такая же была! Сама красивая, большая! А он такой [маленький]. Ходили-то всегда в ватниках! Всю зиму в ватниках! Они залоснятся. Она ему такие ватники! Где она ему такие ватники [брала]? Говорила: «Я его так люблю! Он у меня, до того такой фигуристый!». Она ему такие ватники возьмет [показывает размер большой]. А он ему аж здесь, в гаче¹ болтается! ... А она умирает: «Ну, до чего же, бабы, я его люблю!» И мы там укатываемся! И, вот, они у нас там с Меркушиным мешки от комбайна берут. Мы стаптываем. Он пока наклоняется. Оттащить-то не может. Мы вот с ней [с Капитолиной] как сдадим ему – завалим! Он кричит бригадир: «Убирай от меня этих кобыл! Они меня совсем замаяли! Кулями закидали! Вылезти из-под кулей не могу!».

И вот, этот лен... Я не дорассказала. И этот лен, мужики его весь возят в бани. У всех же бани. Все бани забьют, чтобы он усох. Потом такая вот (*показывает*) мялка²... И вот этот лен-то потом и мнут. Бабы треплят. Мы, ребяташки, смолой проволоку так делаем, смолой заливаем. И так вот потом чешем. Она так сантиметров 70–80 была. В руке вот так его делаешь, и чешем его. Он медленно чешется. И вот этот лен потом сдавали. А у нас Ангара [поселок] была через реку. И вот, там через четыре километра судоверфь была. На судоверфи его и сдавали. [Это] был заработок. Я говорю, вот сейчас безработица... А вот находили [работу] во всем.

Вот придет осень... У нас такая пристань была сделана! Баржа подойдет... А колхозники грибы... А грибы-то какие были в тальнике³! Боже мой, больше никогда я не увижу! Не могу я даже говорить! Ой, какие же это места были! Боже мой! Вот такие они [большие]! Они лохматые! Вот не поверите! Они хрустят! Вот такой они толщины! И вот эти бочки-то наделают. Они специально завезены уже с весны. Бабы туда, в баню... Все в бане делалось. Вот туда, я про камни-то рассказывала, воды нальют. Туда смородину, всяку-всячину накладывают. Сверху камни бросят. Оно аж щелкает все! И куфайками⁴ закроют все. Бочки выпарятся. Бабы там [тряпками отмоют] ... Тряпки были травяные. Травяные тряпки! Вот до чего вымоется! Но, она так моет! Скатается вся...

Из какой травы?

Ну, у нас там осока росла. А ее знаешь, как делают!? Ну, у нас-то был бардак! Ну, не то чтобы бардак! У нас семья была большая... Ну, нищета была. А вот баба Дуня у нас была. Она была с Чамы⁵. Какой-то род чамский. Из родовой зятя нашего⁶.

А Чама где была?

Напротив Заярска была. И вот оттуда она была. Я Ларисе все рассказываю. Вот не поверите, девчонки! Она так все делала! Вот что она не делает... Какие-то котлеты! Что она в них [добавляла]? В то время мы ничего не знали! Как она так делала? Какие-то большие! Ее тетушкой Дуней звали. Вот травы у нее в кладовке, амбар называли. Вот у нее там дранье⁷, на дранье лежит трава. Это от поноса у нее, это от простуды, это от кровотечения. Бабы-то, тогда больниц-то не было. Кто чем заболел: «Ой, надо идти к бабушке Дуне!». Вот я поэтому травами и заразилась. Никуда не зайти! Года по три лежат. Доберусь – выкидаю! Но копны собираю, всяку всячину! Тоже все ходили травы спрашивали [в Куватке]. Наши ангарские, с того края придут. Ну, а придут, мы их не только травами! Мы тут такую гулянку устроим! Тут вся Куватка ломится!

Ой, кошмар! Дожилась я, и думаю: «Вот зачем я такую жизнь прожила?! Я же истрепалась!». Как с детства начала... Ну-ка, я с трех лет с ребяташками в няньках! Таскаю их. Они ребяташки здоровые были. Мама-то, что... Ее каждый месяц, или два раза в месяц... Эпилепсия ее возьмет. Потом уже в лет шесть–семь я уже привыкла. Ложки были.

¹ Гача – штанина.

² Мялка (мялица) – приспособление из комлевой части бревна с корневищем, предназначенное для первичной обработки льна, с помощью которой отделяли волокна льна от древесной оболочки.

³ Тальник – так в Сибири называют заросли кустарниковой ивы.

⁴ Куфайка (фуфайка) – стеганая, как правило, ватой верхняя одежда.

⁵ Чама – деревня основана в 1806 г. на р. Чаме, впадающей в Ангару.

⁶ Родова – родня.

⁷ Дранье (дранка) – кровельный материал, имеющий форму деревянных пластин, выполненных из разных пород деревьев.

Я намотаю тряпку. Если что – выплюнет. Не дай Бог кому! Досталась же судьба такая! Я все говорю: может, я виновата в своей судьбе!? Может рок такой на мне? Но я же не сволочная была! Но почему? Я ж все для людей... И сижу вот в такой грязи! И делать никого не могу! Силы нету совсем... 14 лет мне еще не было, пошла дояркой! А куда деваться-то? А так лето каждое работала. Мама-то че!!! Надо было работать! Зарабатывать!

А потом своих пятеро детей. Не успела маленько пожить, девчонка у меня тут ошпарилась, в бочек с кипятком упала... Да скоро, потом через полгода утонул сам¹. Осталась... Старшим-то девчонкам: одной два, а другой годика не было! Они у меня погодки трое были. Вот хожу – висит там [на мне] ... Она четыре года сосила²! А я рожаю опять! Ума-то никакого не было! Я вышла [замуж] молоденькой. Он меня постарше намного был. Но сейчас я самого хорошего нашла! Некого говорить! Самый лучший!

Рис. 4. Галина Ивановна и ее муж, переселенец из старой Куватки Владимир Андреевич Калаушкин. 2018 г. Фото из семейного архива Г.И. Калаушкиной

Но, правда, мне досталось по молодости-то! Я сейчас пересмотрела свою жизнь. Мы бы прожили! Я бы никуда не пошла, ни с кем не общалась! А то бывало-то че! Только что с фермы, вечером наварю – гости! Тогда же было такое-то... Вот только переехали... Это был какой-то ужас!

Сюда, в Куватку?

Да! Мы же были роднистые³ там [в Громах]! Как жили-то там! Это же не в сказке сказать, ни пером описать! Там одной семьей жили! Вот тебе стоит заикнуться... Ребятишки же у всех... Тогда же все рожали: «Ой беда-беда! Картошки не хватит на семена посадить!». Утром поднимается. А у нее уже там: сколько кто может! Никто не говорили, что я тебе принесла, и ты со мной рассчитайся потом... Шли-пришли и поставили! Пропасть, девчонки, не давали! Какой если, бабу мужик обижают: все! Там они все равно, где-нибудь до него доберутся! Они его там прижмут все равно!

Мужики боялись баб?

А мужики-то всякие были! Они и тогда были мужики всякие... И пить – пили. Ну не то чтобы пили – выпивали! И лентяйки были, и гулялки! У нас у тетушки Феодосьи был Егор-то Скавитин... Он же ведь ты че! Он же, не дай Бог, че был такой! Вот тетушка Феодосья придет, бабе Дуне нажалуется. Они, тетка Аксинья... Была маленькая ростом, а мужик у нее здоровый.

¹ Утонул сам – речь идет о первом муже Галины Ивановны, «сам» так в крестьянских семьях называли главу семьи.

² Сосила – питаться грудным молоком, сосать грудь.

³ Роднистые – близкие люди, хорошо знающие друг друга, живущие по одним правилам.

Такой жестокий, такой кряж! Тетя Шура Тихонова, тетушка Феодосья, баба Дуня собираются! Ну и все! То его в баню закроют! А в бане жарко! То одежду спрячут, а он потом нагишом бежит! Они его не то чтобы били! Они ему досадят, и он на некоторое время успокоится.

Он понимал, что это они...

Ну, конечно, он знал. Он боялся их как огня уже!

Мужики гуляли потому, что женщины их принимали?

Так а после войны-то пришли... Мужиков-то [погибло много] ... У меня вот папа неродной-то мой. Это же Панов Виктор Васильевич, вот этот кавалер-то трех орденов Славы, он мой отец. Но вот что характерно, он меня любил до без ума! Сначала бил, пока я не подросла. Ну, вот понимаете, он был красивый, общительный! Тут герой такой пришел. А мама, не понимали же ничего тогда... испечет что-нибудь в печке... Ну, встанет утром стряпать что-нибудь, а у нее раз – и приступ! Ну и все! Ему надо идти гулять, он только вернулся! А она в таком состоянии, а у него бессилие... А потом мы с ним были друзья... А потом он меня все хвалил... Все ходил ко мне, хоть я ему даже не родная – хвалил. И даже больше жалел! Вот я пошла работать первый год... Помню, заработаем там...

Это Вы в 1956 г. пошли работать?

Трудовую надо достать. Там все написано! И вот первый год отработали мы с ним. Раньше же давали [расчет] за год. Я помню, была засуха... Какой же это год? Это мне лет 12 было... Вот была засуха, так засуха! И вот, выдали нам хлеб... И людям на трудодни досталось... В общем, папа, за год получил на маму, на себя... За маму мы всяко-разно, мы [работали]. То на пилораме подбираемся, ребятишки... Так вот, в трех кулях привезли [заработок за год]. Я помню, и ячмень, и овес... Мама-то так кричала!!! У меня до сих пор в ушах стоит! Вот нас пятеро детей, и они вдвоем! Потом у нас один помер пацан. А как выдавали? Вот в конце года посчитают – заготовки сдадут... Все посчитают, а денег там, и полкопейки, и треть копейки на трудодень доставалось нам. Это все переведут на деньги. И потом это по колхозникам раздадут. Страшно! Вот страшно! А мы говорим, что сейчас жизнь плохая! Какая сейчас плохая жизнь? Только что работы нет! А они, я по Куватке смотрю, они и не хотят работать!

А мама-то была больной, когда замуж вышла?

Нет! Нет! Нет! Мама была здоровая. У нас в общем такая была предыстория. У нас дедушка работал председателем сельсовета... И вот, ежовщина², когда друг на друга наговаривали... Его, короче, посадили, дедушку-то... А тут потом банды... Ой, вообще, что у нас тут творилось, сколько народу побил! Ну, это-то я не помню. И вот дедушка..., а его потом выпустили уже... А мы же стали «врагами народа» с бабой Дуней. И дочери их: мама и Анна Несвитаева. У них две дочери-то было. У них не много детей было. Но они дом-связь строили... У них в общем летний дом был и зимний дом был. Она надсадилась, утробилась... А один пацан [в семье] был. Они строились, наняли няньку. А около дома, около ворот старый жернов [лежал]. Мельница-то рядом была через дорогу...

Сколько у нас было мест, Боже ты мой! И мельница, и конный двор, и склад рядом, и птиц держали! Если б не утробили все это! У нас тут была станция! А какой горел свет от этой станции! Или нам казалось так в то время... Но, вот, просто все видно! У нас же уже нормальная жизнь была! Пароходы у нас ходили – пожалуйста! Судоверфь у нас такая была! Строили там все разное, Шумиловская³! Вообще жизнь была, я не знаю! А вот, потом...

Л.В.: А ты начала про жернов...

И они девчонку наняли. Она к воротам [пошла], и стала открывать, а его-то [мальчика] так через плечо-то кинуло. И он темечком на жернов... И убили... А потом-то мама меня родила в октябре...

¹ Кряж – крепкий человек, в переносном смысле – упорный и прижимистый человек.

² Ежовщина – период 1937–1938 гг. в истории СССР, характеризовавшийся массовыми репрессиями, организацию которых связывают с именем народного комиссара внутренних дел Н.И. Ежова, назначенного на этот пост в 1937 г.

³ Шумиловская – верфь, открытая в 1929 г. вблизи лесосырьевой базы, предназначенная для деревянного судостроения. Она находилась рядом с ангарской д. Шумилово.

Это, вот она первый раз замуж выходила...

Да-да. А отец там, в армии был. Он... в армию взяли его. И война началась. Я без него родилась в [19]42-м [году]. И мама моя трактористской была. Ее как взяли... В общем ее угнали на третий день. Тогда же хлеб убрали до самого, до после 7 ноября. И я короче, ни грудь не сосала, и ни че... И вот, это я с Анной все. Ей 10 лет было. Так она со мной и пласталась...

Ну и вот, а тогда же были эти – «враги народа». Ой, баба Дуня тогда пласталась на работе! А Анна: надо дома все успеть, и со мной! Ой, хватанули! Она [баба Дуня] по две нормы выкашивала, чтобы не посадили. Да и кормить надо было. А пришел дед, маленькая я была, [19]43 г., его комиссовали, туберкулез. И вот баба..., тогда рыбий жир в деревнях был свой, натопленный. Там такая рыба у нас была! Рыба была: налимы, тайменина¹, а хариузы в речке! Рай господний! Уток держали все... Но, я про дедушку. Как я не заразилась? Ему состряпает баба Дуня лепешки с рыбьим жиром, ему дает и мне. Он сам поест и мне дает. Как Бог миловал? Но он сразу умер. А посидел он долго.

Л.В.: В [19]30 забрали, а в [19]42 вернулся?

Нет, забрали в какой год? Когда друг на друга долаживали.

1937? В деревне у вас тоже...

Ой, у нас народу, что погубили!

Так ведь дружная деревня была?!

Дружная деревня была! Он председатель сельсовета. А найдут какую-нибудь причину. И не то, что свои. Приезжают, забирают и все... Баба говорила: «Зима. Подъезжает кошева². Выходят: «Алексей Васильевич! Поедьте с нами. Там надо поговорить». Поговорили и комиссовали. Даже слуха не было, где он есть.

А баба Дуня ходила узнавать, где он?

Она сходила один раз. Ей сказали: «Девчонки у тебя. Ты [хочешь] детей оставить?». Так она боялась потом в народе что-то сказать. Страшное дело было. Баба Дуня рассказывала, что она плачет ... Ужас какой! Боязнь-то была какая! Как запугали! Страшное дело было! Баба Дуня говорила, что свои соберутся и бояться говорить. Они друг другу не стали доверять. Ну, кто доносил? А так и не знают кто доносил! Главню, знают кто и что сказал... Видно в деревне был такой вот... У нас и в банду уходили... С Громов же шли, в банде были³.

Ну, они по своим соображениям...

У нас ведь дедушка Алексей от банды ушел, и в тайге скрывался. И сделал... Вот она у меня прялочка была. Прялку с осины такую. Ножом всю выстрогал. Легонькая – из корня. Написал «Кланочке», маме моей. Мы все же это пережили. Все же это уже перетряслось! А потом-то уже жизнь направлялась-то!

А дедушка в [19]43-м вернулся? Умер – еще война не кончилась?

Нет, наверное, война не кончилась... Я маленькая была. Я ж не помню его. Как он умер. Мы вот землю, с Анной съездили, на Ангару... Землю потом привезли. Землю с откоса. Положили просто так. Потом к деду, который с бабой Дуней жил... А между ими коробку сделали, землю туда положили.

Так его могилу не переносили?

Там так она и находится...

Там... это в Громах?

Да, в Громах. Теперь его там кладбище смыло...

Кладбище смыло, а могилы не перенесли...

Нет. А что, тут такая была суматоха. Была суматоха-то какая! У нас некоторые не переезжали. Дома свои надо было все убрать, сжечь. У нас же мы тоже домишко там купили... А там кого этот домишко! Ниче ж не понимали! Никаких ни купчих... Ниче!

¹ Тайменина – так население называет мясо тайменя – самой крупной рыбы на Ангаре из семейства лососевых, достигавшей 1,5–2 м длины и 60–80 кг веса.

² Кошева – широкие глубокие сани с глубоким задком, обитые рогожей и утепленные.

³ «Бандой» называли крестьянский отряд во главе с Серышевым, сумевшим организовать антиправительственное восстание в Братском районе Восточно-Сибирского края в мае 1933 г., которое стало последним крупным вооруженным выступлением сибиряков. В июне отряд был разгромлен.

На слово все! Люди, кто была сделана домовая [книга], то те такие деньги пополучали! Им давали деньги на переселение, но все равно это все ушло...

Давали только тем, у кого была домовая книга?

Да! Ну, а кто зимой-то [переезжал], то додумались сани понаделать. Ну-ка, додумались переделать сани! И зимой сани грузить с Ангары, и сюда [в Куватку] везли, представляете! Все поразвалили. Ой, народ намучили! На баржах... Мы и то... Я ведь девчонкой-то была...

Когда это было?

Я не знаю... Ну [19]58-й, наверно, еще был.... Потому что в 1960-м школа тут построиться должна?

Л.В.: В 1961 г. построили.

Ну, вот, наверное, с 1958-го первые поехали. Какая тут была глина, вода – грязь голимая... Ой-ой-ой! А у нас-то там! Вот идешь – ключик! Километр, через два – ключики! Вот идешь по дороге... Пошел, например... Вот охотники выезжают. У него там обязательно ключик, зимовье стоит годами. Никто не зайдет. У него там спички, у него там крупочка. У него там дровишки сухие. Никто не трогал! Никто не залаживался! Вот река зимой замерзнет, и старики все ставили уды. И вот идут по реке, и стоят уды. А уды это вот эти же лен, вот эти нитки. А рыба-то какая! Там вот такие налимы, такие вот тайменины попадались... Не могу я...

Так получается в 1958 г. людей начали переселять.

Да, первые переселенцы!

Они хоть понимали...

Понимали! Проклинали! Ревели все! Проклинали все! Не выселить некоторых было! Вот у Тони: «Ну, мы не поедem!». Я вообще думала, как они... Мы же тоже остались. И, вот, мы же туда, в Южный не переезжали. И вот не знаю как потом, позже... У нас одна была бабушка, жила. У нее ни детей, никого нету. Вот она с этим домом! Куда она его повезет?

И что она?

А я не знаю как. Я же уехала оттуда. Я до сих пор... Никуда я не езжу с ногами моими. В городе-то не знаю как живут...

Получается, собирали вас? Приезжали какие-то люди?

Ну, агитация-то велась какая! Деньги же давали, эти, невиданные! А тут же [денег не знали]. Деньги же за дома, хорошие деньги давали! Если кто хороший...

А сколько давали за дом?

Ну, хорошие давали. Если кто умный переезжал, то у него копейки еще остались, конечно.

Это давали за дом, и на переезд. Подписывали документы какие-нибудь...

Ну, конечно! Но у меня-то этого всего не делалось. У меня никаких...

А у Вас как дом перевозили?

А я как!? Никак не перевозили! Я потом уехала, да и все, просто оттуда.

То есть, дом остался там.

Там одни уехали, вот, тетя Дора с Ниной, они уехали. У них дом большой был. А у нас маленький, такой же мы купили с мужем, первым-то. Да потом, мы туда [в Дорин дом] перешли. Ума не было! Весь ремонт, все там [сделали]! Мне же хорошо надо было там сделать! Все пробелила!

Это уже все переезжали, а вы ремонты делали.

Да, мы в леспромхозе думали остаться. А потом я приезжаю сюда [в Куватку]. А папа же у нас ничего не умел делать. У нас мама все: и с топором, и с вилами. Все она сама делала.

А мама с папой сюда переехали?

Мама переехали с ребяташками со всеми. Вот сестра Анна, три брата у нас тут. Вот и я пятая. Я приехала к ним. Они там в центре дом-то купили. Там был клуб раньше. Потом клуб построили. Этот дом продали. В нем была железная печь. Аннушка приехала, она вся ошпарилась об эту печку, или об трубу. Или что опрокинулось. Мне до чего жалко стало! Я приехала, и, в общем, я осталась. Потом съездила за Валентином. Он там записался, да я поехала наладить с ним.

Так дети у вас уже были?

Так была первая, которая умерла.

Вы за дом ничего не получили.

Ну, какой там, я что получу. У нас даже ни документов, ничего...

А когда вы переезжали, еще много там народу, в Громах, оставалось?

Есть... А свои дома-то ты пока не уберешь, тебе не дадут документ на переезд. Должен ты убрать до фундамента, и все сжечь. А я просто уехала. У меня просто тот дом остался, и этот остался. Может кто и перевез его, кто, потом. Он не мой был, так я и не знаю. И вот как ревели люди! Жгли, и как ревели! Сами жгли потом свои дома... Вы представляете? Все он там сделал, все построил своими руками... и сами жгли... Вот ревели, так ревели! А, так, иначе, все – не дадут тебе ничего!

А куда громовских переселили?

А громовских переселили везде: кто куда повыбирал. А в основном, у нас, кто там остался, он на Южный переехал. Там повыше Громов. А кто сюда [в Куватку] переехал, в основном вот эти улицы, вот так идут [показывает]. Две улицы почти полностью, это все были ангарские полностью

Л.В.: Недаром улица Ангарская называется.

А из каких деревень?

А здесь из Париловой есть, с Арефьевой есть, с Зермы, с Бали есть, с Суворовой. Нет, с Суворовой в основном в Заярск¹ переехали. В Калтуке² париловских много. В общем, кто куда! Видимо, кто первый кинулся, может лучше [выбрал]. Например, Шаманова, какая была! Вот туда и перевезли.

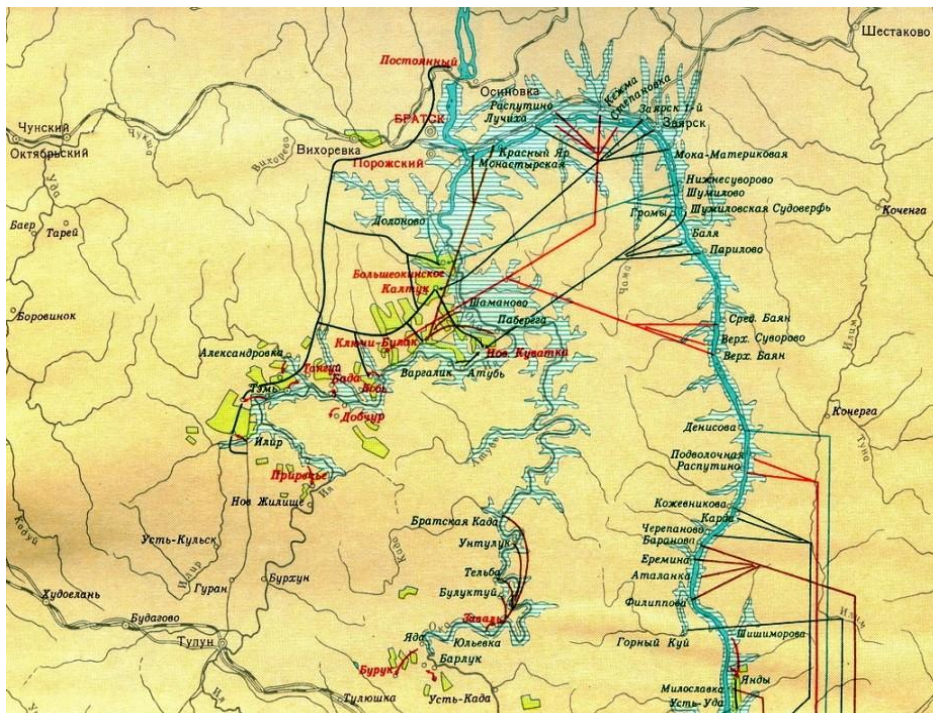

Рис. 5. Зона затопления в Братском районе. Поселения, подлежащие затоплению. Перенесенные и новые поселения выделены красным цветом (**Старый Братск**)

Л.В.: А у нас тут много шамановских.

В общем перепутали всего народа.

¹ Заярск – населенный пункт на правом берегу р. Ангары, образовался в 1930-х гг. До построения железной дороги Тайшет-Лена поток грузов на север по Лене в Бодайбо и Якутскую АССР шел от Заярской пристани. В 1946 г. стал районным центром. В связи со строительством Братской ГЭС территория поселка Заярск попала в зону затопления Братского водохранилища.

² Калтук – деревня. Была основана в 1723 г. После затопления стал крупным поселком, так как в него переселились жители из затопляемых деревень.

Так вот, мама с папой Ваши, жгли свой дом?

Да, мама с папой сожгли. А потом здесь купили.

А как они об этом рассказывали?

Так вот не дают документы. Нет, у нас что-то перевезли на усадьбу просто. Постройки старые. Перевезли, например, там у нас были хорошие амбары. Вот амбары перевезли. А дом наш... Я вот, Вам рассказываю. Додумывались делать сани самодельные с леса! Додуматься надо: ну что там, сколько он протащит!? По льду, по земле сани-то стираются. Сено перевозить: два-три года, и сани стерлись. Разваливались, и все. Бросали все. Вот так это разваленное бросали все! А потом тонуло все. А потом на технику садились. Вот представляете, его тут ждут с домом... А его, не только с домом, думаешь, сам бы хоть приехал!

А Братскгэсстрой выделял вам технику для перевозки?

Технику сами нанимали. У нас тут был Ангарлаг¹, ну, заключенные. Ну вот, папа и поехал этой Анне Несвитаевой, тетке старой за кулями. Ничего же нету... Картошку ссыпать не во что! Осенью переезжали. Снежок такой. Они поехали на баржу. И, короче, Василий, Аннин муж, повез их на моторке. Кули папа набрал, и он дернул [Василий]. Мотор-то всегда заводился со второго раза, а тут завелся сразу, и его убило сразу, Василия. До берега не доходил вот этот катер. Надо было на моторках перевозить всех пассажиров. Ой, какой мужик был! И потом вот это все... И тут надо переезжать, и это все...

А Ангарлаг как помог?

Ну, он [Василий] был там завхозом. Им-то помог Ангарлаг. Там и овса дали. Там много чего дали! А тут что нашим-то? Ничего! Вот эти деньги получила. Деньги дали, и переезжай, как хочешь. Вот с этой бороной². А так-то жили... У нас ведь Ангара, Боже мой! Я никогда не забуду, у нас было такое поверье: если старик болеет, лежит при смерти. И все сразу: «Река пошла! Река пошла!». Все на берег! Хоть ползком! Старики, вот, вытащатся! Поверье было: если он до ледостава дожил, то значит, год проживет! Это было уже святое! Верили! Но потом уже может зимой прихватит что-то, помрет кто. Но лето, все равно, переживет! Ребятишки целыми днями... Малявок³ наловят! Ничего же не было: сетками этими – личинками [москитными сетками] ловят... С кишками там, сковороды какие-нибудь старенькие наберем. Костры горят. Нажарим. И все! Дальше, у нас, там, в нашем краю каждый держал уток. Уток держали много. А у нас там мельница, зерно-то падает. И вот они там, утки все туда плывут, все заправляются. И, вот смотришь, яичко зеленое лежит. Мы пойдем, яцев⁴ насобираем. Тут же костер, нажарили и наелись! Вообще! А там уже курей держали уже, колхоз. И что, этих курей найдем яйца. А они же порчены бывают, но ничего, проверим...

А колхоз как назывался?

Имени Кирова, объединенный.

А кого объединили?

А Баля, Зерма, потом Нижнее Суворово. Папа ветеринаром был. И председателем колхоза одно время был. Он туда ездил.

А Громы были центром?

Громы были центром. У нас была такая церковь! У нас Петров день⁵ был престольный праздник. Я когда выросла, у нас в церкви был клуб. Мы там плясали. Видимо за это нас Бог наказал. Я заводила была страшная. Ведь было же, когда съезжались на Петров день, что лодки было некуда приткнуть. Как позвонят колокола, так слышно на всю [округу]. До Заярска по реке 35 км, слышно было. А готовились-то как! Ой, ждали, что вся родня

¹ Ангарлаг – Ангарский лагерный комплекс. Подразделение, действовавшее в системе исправительно-трудовых учреждений СССР. Организован 13 января 1947 г. Просуществовал до 1960-х гг. Находился на территории Иркутской обл., со штабом в п. Заярск. Был подчинен Западному управлению строительства и лагерей БАМ. На стройках Ангарлага насчитывалось около 100 тысяч узников.

² Борона – в данном случае, диалект. «дети».

³ Малявки – так называли мелкую рыбу – ельчиков и пескарей.

⁴ Яцев – яиц.

⁵ Петров день – христианский праздник, день св. апп. Петра и Павла (12 июля). В этот день завершались «купальские празднования», начинались летние свадьбы. Праздник длился 2–3 дня.

съедется в гости. Такой праздник. А после Петров день справляли. А после Петрова дня косить начинали.

А когда Вы маленькой были, Петров день справляли?

Обязательно. Оно все осталось с того времени. И вот, мне кажется, что у меня совесть какая-то есть оттуда.

А председатель колхоза не ругал за церковные праздники?

Нет. Вот у нас Вознесеньев день¹ и Троица². Вот течет Ангара, а напротив [Громов] остров³. Люди неграмотные, а как же они определяли все. Говорят как. Ехали старики, остановились, оглядели все, и, если понравилось... А у нас там как не понравиться! У нас там ягоды, брусники. У меня Володя приехал и говорит: «Я думал, что это во сне!». Стоит лес чистый, как будто вычистили. Брусника, вот такая чернущая, сплошняком брусничник! Вот потом ручьи, ключи идут везде. Подошел, попил. А вот один ключ был вредный. Попьешь, и все: не встанешь на ноги. Воспаление легких, и все. После покоса, кто идет, незнамо попьет, и не вылечится. Закипной ключ назывался.

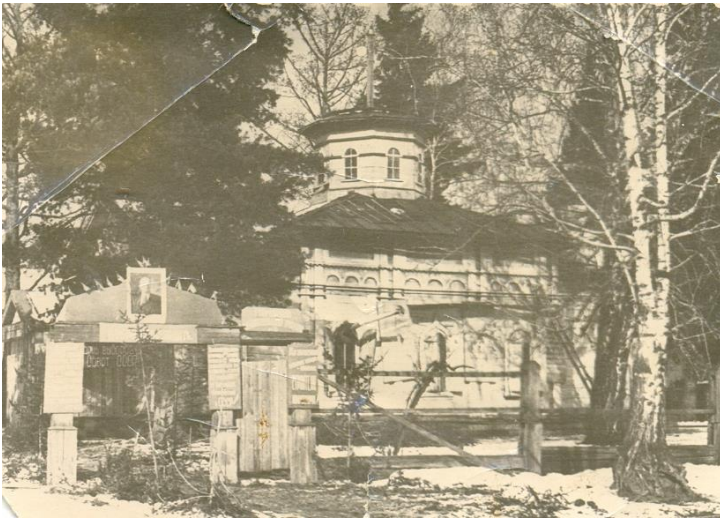

Рис. 6. Церковь в д. Громы. 1956 г. Фото из музея Куватской средней общеобразовательной школы

И вот, Вознесеньев день! А охотники же все были. Все в туесках⁴. А рыба тайменина - красная. Куда там сейчас красной рыбе. Так вот посолят, закроют. А потом на остров собираются! Всей родней, все на лодках выезжаем! Сколько там было жарков⁵! Горит весь остров Лиственичный! Лиственницы никто не валил. Вот все туда на остров переберутся, и своими станами сядутся⁶. И мясо это достают, вот такими тушинами! А оно красное! Ну, зверье били. А у нас в родове все такие охотники были. И вот, начинается! Таганок⁷ с этим мясом поставят, обязательно кашу мучную наварят! Молоко вскипятят, а потом мукой туда, и разобьешь комочки-то. А потом солод делали! У нас баба Дуня солод делала.

¹ Вознесеньев день – Вознесение Господне. Считалось, что с Вознесеньева дня начинается полный расцвет весны и переход к лету; с этого дня начинали провожать весну.

² Троица – праздник Святой Троицы, один из главных христианских праздников, отмечается на 50-й день после Пасхи.

³ Деревня Громы стояла на берегу Ангары. Река в этом месте была довольно широкая и рассекалась несколькими островами: Лиственичный, Сосновый, Жилой. На острова часто переплывал скот.

⁴ Туесок – берестяной короб с плотно прилегающей крышкой, в котором хранили продукты питания. Он мог быть круглой или овальной формы.

⁵ Жарки – огненно-оранжевые весенние лесные цветы, народное название купальницы из семейства лютиковых

⁶ Стан – место для отдыха.

⁷ Таганок – металлический обруч на ножках, служащий подставкой для котла или чугуна при приготовлении пищи на огне.

Пшеницу проростят, потом в русской печке протомят. Она аж черная! Но до чего вкуснятина! И вот ее [пророщенную пшеницу] сахарком заправит, и в яму. А потом, кто пришел, достанут. И вот на остров поедут, [берут] у каждого что есть. А нам-то, голытьбе¹, радость! Он [солод] был сладкий, как кашу, ложками ешь. Там такая вкуснятина была! Такая еда! Все общее! Песни! Вся деревня выедет на остров. Вы представляете! Это, вообще, чудо! А мы венки плетем! По Ангаре спускаем – они плывут! Родители бражку маленько выпьют, ой, разговоры...! Вот, нигде, наверное, так не было, как у нас! А у нас как пели!

А что пели?

Ну, старинные песни. Ой, у нас столько песен пели ... Все старинные песни пели на голоса – уже доярки спелися на подхват. У нас дедушка Василий был. Он, дедушка Василий Иванович, начинает: «Из-за гор-горы едут манжуры...»². Бабы подхватывают: одна, вторая, третья. А у нас тетя Маня была, тоже наша родственница... Та уже вытягивает! Мороз по коже! Вот эту песню пропели. Он следующую начинает.

То есть, это после работы или по праздникам...

Праздники старинные всегда гуляли. Но гуляли разве так, как сейчас? Каждый день будни, и каждый день праздник. У нас первое время по Куватке, когда мы приехали, каждый день праздник. Можно было сидеть целую ночь и слушать. Из дома в дом [идут], поют. Провожать идем, меня провожать. К нам пришли, флягу открыли, черпанули медовушки... Все, пошли дальше! Теперь надо мне их провожать идти!

Рис. 7. Работники фермы в Новой Куватке. Г.И. Калаушкина 3-я слева. Фото из семейного архива Г.И. Калаушкиной

Интересно... А про кладбище-то: получается, что из старых деревень ангарских, кладбища не перенесли. Могилы-то затонули...

У нас куватские не перенесли. [Их] гробы несло [по реке]! Не до этого было, понимаете! Надо было специальное разрешение брать... Я не знаю...

Л.В.: Здесь из старой Куватки чей-то гроб перевозили по разрешению. А остальные, это же надо было получить специальный документ. А у кого на это время было? Да и кто соображал про это?!

А здесь, на этом кладбище, [в новой Куватке] какие-то памятники тем, кого оставили там, установили?

Я рассказывала, мы съездили за дедушкой с няней. Ее [Анну] няней зову, потому что она со мной водилась. И привезли с той могилы землю. И здесь сделали как могилку.

Л.В.: Она даже написала «Здесь человека нет. Здесь лежит земля с могилы Филишова Алексея Васильевича».

¹ Голытьба – бедные люди.

² Манжуры – манчжуры, представители этноса, жившего в Северо-Восточном Китае.

А так другие люди делали?

Нет. Я слышала, что здесь есть один перезахороненный.

А вот в родительский день нельзя прийти к могилам своим: утонули, смыло. Как люди?

А как! Мы в те разы собирались. И ходили женщины, тетка Наталья и тетка Варвара. Они ходили и по старинному обычаю, по кладбищу, и пели песни. И поминали всех. Они всех же знали тогда еще всех, и поминали тех. А потом уже и этих. Они ходют-поют, ходют-поют... И поминают имена, они знают их. И вот это такой ритуал был. А потом они ушли, и больше никто так не делал. И никто не записал.

Они пели поминальные песни?

Да, пели. Они старушки уж были. А мороз по коже [от песен] ... А плакали как тогда...

Благодарности

Ларисе Владимировне Наяновой (Калаушкиной), учителю-краеведу, руководителю музея Куватской СОШ за помощи во время экспедиционной работы.

Литература

Алексеев, 1973 – *Алексеев В.В.* Электрификация Сибири. Историческое исследование. Ч. I. 1885–1950 гг. Новосибирск: Наука, 1973. 312 с.

Байкальская Сибирь, 2007 – Байкальская Сибирь. Предисловие 21 века. Альманах-исследование / под ред. М.Я. Рожанского. Иркутск: Оникс, 2007. 304 с.

Дальжинова, Плюснина, 2011 – *Дальжинова И.А., Плюснина В.В.* Переселение жителей Боханского района в ходе строительства Братской ГЭС // *Вестник Бурятского государственного университета*. Сер. Философия. 2011. № 7. С. 144-148.

Ермошкина, 2001 – *Ермошкина Р.Л.* Переселение при строительстве Братской ГЭС // *Социально-экономическое развитие Сибири в XX веке: опыт и проблемы*. Сер. История. 2001. № 1. С. 65-68.

Жмурова, 2016 – *Жмурова Н.Ф.* Помнить дольше, чем живу. Братск: Полиграф, 2016. 78 с.

Занданова, 2011 – *Занданова Л.В.* Социокультурные трансформации в Приангарье в свете модернизационных процессов в XX веке: проблемы изучения // *Социокультурные трансформации населения Сибири в XX веке*. Сб. науч. трудов. Новосибирск: Сибирское научное издательство, 2011. С. 59-72.

Ковригина, 2009 – *Ковригина С.В.* Повседневная жизнь крестьянства Восточной Сибири в 1945–1953 гг. (на материалах Приангарья): автореф. дисс ... канд. ист. наук. Иркутск, 2009. 31 с.

Московских, 2018 – *Московских В.А.* Книга памяти. Деревня Матера. В 2 ч. Братск: Полиграф, 2018. Ч. 1. 86 с.

Рябов, 2015 – *Рябов Ю.В.* История переселение населения из зон создания Ангарских водохранилищ (1950–1970-е гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2015. 26 с.

Рябцев-Куватский, 2017 – *Рябцев-Куватский А.П.* На берегах Ии: записки о малой родине. Иркутск: На Чехова, 2017. 259 с.

Старый Братск – «Старый Братск». Познавательный ресурс по истории Братских поселений догородского периода. [Электронный ресурс]. URL: <http://bratsk-starina.ru/category/deyatelnost-obshhestva/dokumenty/> (дата обращения: 27.05.2021).

Цыкунов, 1991 – *Цыкунов Г.А.* Ангаро-Енисейский ТПК. Проблемы и опыт: исторический аспект. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1991. 176 с.

Referenses

Alekseev, 1973 – *Alekseev, V.V.* (1973). Jelektrifikacija Sibiri. Istoricheskoe issledovanie. 1885–1950 gg. [Electrification of Siberia. Historical research. 1885–1950]. Novosibirsk: Nauka. Part I. 312 p. [in Russian]

Bajkal'skaja Sibir', 2007 – *Bajkal'skaja Sibir'*. Predislovie 21 veka [Baikal Siberia. Foreword of the 21st century. Almanac research]. Irkutsk: Oniks. 2007. 304 p. [in Russian]

Cykunov, 1991 – *Cykunov, G.A.* (1991). Angaro-Enisejskij TPK. Problemy i opyt: ist. aspect [Angara-Yenisei TPK. Problems and Experiences: Historical Aspect]. Irkutsk: Izd-vo IGU. 176 p. [in Russian]

[Dal'zhinova, Plyusnina, 2011](#) – *Dal'zhinova, I.A., Plyusnina, V.V.* (2011). Pereselenie zhitelej Bohanskogo rajona v hode stroitel'stva Bratskoj GJeS [The Bokhan area residents' resettlement during the construction of the Bratsk hydroelectric power station]. *Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta*. Ser. Philosophy. 7: 144-148. [in Russian]

[Ermoshkina, 2001](#) – *Ermoshkina, R.L.* (2001). Pereselenie pri stroitel'stve Bratskoj GJeS [Resettlement during the construction of the Bratsk hydroelectric power station]. *Social'no-jekonomicheskoe razvitie Sibiri v XX veke: opyt i problemy* [Socio-economic development of Siberia in the XX century: experience and problems]. *Ser. Istorija*. 1: 65-68. [in Russian]

[Kovrigina, 2009](#) – *Kovrigina, S.V.* (2009). Povsednevnaia zhizn' krest'janstva Vostochnoj Sibiri v 1945-1953 gg.: (na materialah Priangar'ja) [Everyday life of the peasantry of Eastern Siberia in 1945-1953. (based on the materials from Priangarye)]. PhD Thesis in History. Irkutsk. 31 p. [in Russian]

[Moskovskih, 2018](#) – *Moskovskih, V.A.* (2018). Kniga pamjati. Derevnja Matera [Memory book. Matera village], part 1. Bratsk: Poligraf. 86 p.

[Rjabcev-Kuvatskij, 2017](#) – *Rjabcev-Kuvatskij, A.* (2017). Na beregah Ii: zapiski o maloj rodine [On the banks of Oia: notes about a small homeland]. Irkutsk: Na Chehova. 259 p. [in Russian]

[Rjabov, 2015](#) – *Rjabov, Ju.V.* (2015). Istorija pereselenie naselenija iz zon sozdaniya Angarskih vodohranilishh (1950–1970-e gg.) [The history of the population resettlement from the zones of the Angarsk reservoirs (1950–1970s)]. PhD Thesis in History. Ulan-Udje. 26 p. [in Russian]

[Zandanova, 2011](#) – *Zandanova L.V.* (2011) Sotsiokul'turnye transformatsii v Priangar'e v svete modernizatsionnykh protsessov v XX veke: problemy izucheniya [Angara region socio-cultural transformations in the in the light of modernization processes of the XX century: problems of study]. *Sotsiokul'turnye transformatsii naseleniya Sibiri v XX veke*. Sb. nauch. trudov. Novosibirsk: Sibirskoe nauchnoe izdatel'stvo, pp. 59-72. [in Russian]

[Zhmurova, 2016](#) – *Zhmurova, N.F.* (2016). Pomnit' dol'she, chem zhivu [To remember longer than to live]. Bratsk: Poligraf. 78 p. [in Russian]

«Ангарская Атлантида»: воспоминания жителей затопленных поселений

Подготовка к публикации, вступительная статья и комментарии

Лариса Марсовна Салахова ^{a, *}

^a Педагогический институт Иркутского государственного университета, Иркутск, Российская Федерация

Аннотация. Жизнь Приангарья во второй половине XX в. кардинально изменилась благодаря грандиозным индустриальным проектам советской эпохи. За довольно короткое время, 40 лет, на р. Ангаре были возведены Иркутская, Братская, Усть-Илимская гидроэлектростанции, давшие начало металлургическим, лесопромышленным, горнодобывающим гигантам, а также началось строительство Богучанской ГЭС. Сложившийся за три века уклад жизни этого региона подвергся масштабным изменениям в условиях урбанизационного перехода. В данной публикации представлены устные воспоминания бывших жителей затопленных поселений. Участники интервью ярко описывают потерянную Родину, опираясь на сюжеты из повседневной жизни, семейную историю. Они рассказывают о том, как и куда их переселяли, о взаимоотношениях и судьбах вынужденных мигрантов в новых социокультурных условиях.

Ключевые слова: Байкальская Сибирь, Приангарье, затопленные поселения, переселенцы, миграция, старожилы, устная история, частная память.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: mars62@rambler.ru (Л.М. Салахова)